

DOI: 10.46698/VNC.2024.91.52.007

СИСТЕМА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ЗООМОРФНЫХ ОБРАЗОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИКО- ГЕРОИЧЕСКИХ ПЕСЕН XIII–XV ВВ.)

Б.А. Берберов

Статья посвящена определению зооморфных образов в карачаево-балкарских историко-героических песнях XIII–XV вв. с использованием элементов частотного анализа на базе языка программирования Python. В ходе проведенного анализа установлено, что в карачаево-балкарских историко-героических песнях означенного периода нашли свое отражение образы тридцати животных. Наиболее популярны – образы лошади, собаки и овцы, т.е. образы тех животных, которые играют важнейшую роль в повседневной жизни карачаевцев и балкарцев. С целью формирования цельной картины мира в статье далее раскрываются образы отдельных животных, в том числе путем проведения сравнительно-сопоставительного анализа, направленного на раскрытие обнаруженных образов в других культурах. Особое внимание автором уделяется тем зооморфным образам, которые нашли единичное отражение в карачаево-балкарских историко-героических песнях XIII–XV вв. (например, мухи, верблюды, бобры), что подчеркивает их уникальное значение в культурном контексте карачаево-балкарского народа. Результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что зооморфные образы, используемые в карачаево-балкарских историко-героических песнях, являются во многом универсальными и находят частичное отражение и в других культурах. Проведенное исследование способствует лучшему пониманию культурного наследия карачаевцев и балкарцев. Его результаты, в частности, могут быть использованы в образовательной сфере при обучении школьников и студентов карачаево-балкарскому языку. Итоги также могут стать отправной точкой для проведения и развития похожих исследований в разрезе других языков, в том числе тех, которые входят в индоевропейскую и тюркскую языковые группы.

Ключевые слова: зооморфный образ, карачаево-балкарский фольклор, историко-героическая песня, частотный анализ, карачаево-балкарский язык.

Для цитирования: Берберов Б.А. Система карачаево-балкарских зооморфных образов (на материале историко-героических песен XIII–XV вв.) // Известия СОЕ ИГСИ. 2024. Вып. 52 (91). С. 151–168. DOI: 10.46698/VNC.2024.91.52.007

Одной из актуальных проблем современной науки является слабая разработанность концептов, которые бы выявить и описать те или иные особенности менталитета народа [1]. В силу того, что историко-героические песни находятся в непосредственной связи с историей этноса, они занимают особое место в фольклоре

карачаево-балкарского народа.

С учетом того, что для человека характерна экстраполяция своего внутреннего мира на повадки животных [2], наиболее ярко продемонстрировать национально-культурную семантику карачаевцев и балкарцев способно проведение анализа, отражающего роль зооморфных образов в его историко-героических песнях.

Цель настоящего исследования – в установлении функциональной роли зооморфных образов в карачаево-балкарских историко-героических песнях с применением современных технологий. В задачи статьи входит сбор и систематизация ключевых зооморфных образов, раскрытие спектра их символических значений в текстах, а также обобщение изученного материала.

Животные элементы в народном творчестве карачаевцев и балкарцев уже становились предметом исследования в трудах современных филологов и фольклористов. Т.С. Гелястановой был проведен частичный анализ представленности животных в карачаево-балкарских паремиях [3]. М.З. Улаковым и А.А. Абайхановой рассмотрены фразеологизмы, связанные с зоонимией [4]. Л.С. Гергоковой исследованы отдельные пословицы и поговорки в карачаево-балкарских народных сказках о животных [5]. Предметом анализа

Ф.П. Эркеновой стали фразеологические единицы с компонентами-зоонимами, относящимися к классу птиц [6]. Б.А. Берберовым были определены зооморфные образы в карачаево-балкарских пословицах и поговорках с использованием элементов частотного анализа [7].

Материалы и методы

Вместе с тем определение зооморфных единиц в карачаево-балкарских историко-героических песнях с использованием элементов частотного анализа не являлось предметом исследования ученых-филологов. Таким образом, предлагаемое исследование является во многом новаторским.

Для достижения поставленной цели автором в статье используется следующий подход. На первом этапе формируется текстовый файл, представляющий собой свод карачаево-балкарских историко-героических песен XIII–XV вв. из книги «Аланский историко-героический эпос» карачаево-балкарского ученого-фольклориста М.Ч. Джуртубаева¹ [8].

На втором этапе полученные тексты были проанализированы с применением языка программирования Python и составлением перечня использованных знаков с анималистической семантикой. Полученные результаты были агрегированы с

целью получения сводных результатов. Их интерпретация была проведена автором на третьем этапе исследования. Для этой цели автором были раскрыты ключевые зооморфные образы, используемые в карачаево-балкарских историко-героических песнях.

Полученные результаты

По расчетам автора, тридцать ключевых наименований животных нашли свое отражение в карачаево-балкарских историко-героических песнях (рис. 1). Анализ диаграммы позволяет сделать вывод о том, что наиболее часто сказители карачаево-балкарского народа обращаются к образам лошади, собаки и овцы.

Такой результат, на наш взгляд, является логически предопределенным, учитывая значительную роль указанных животных в повседневной жизни карачаевцев и балкарцев. Вместе с тем примечательно, что немалая часть животных упоминается в историко-героических песнях

единожды, что делает их уникальным материалом для углубленного анализа. По этой причине далее по тексту более подробно разбирается карачаево-балкарский «бестиарий» историко-героических песен, в том числе, в контексте совместной репрезентации различных анималистических образов.

Раскрытие некоторых ключевых зооморфных образов, используемых в карачаево-балкарских историко-героических песнях

Лошади. Конь является одним из древнейших образов, что делает его символику сложной и не всегда очевидной. Можно утверждать о том, что жизнь животного была всегда неразрывно связана с жизнедеятельностью человека – «конь стал незаменимым помощником в сельском хозяйстве, в военном деле, самым быстрым и единственным средством передвижения, в конце концов, двигателем цивилизации» [9].

Не удивительно, что конь является ключевым животным и в кара-

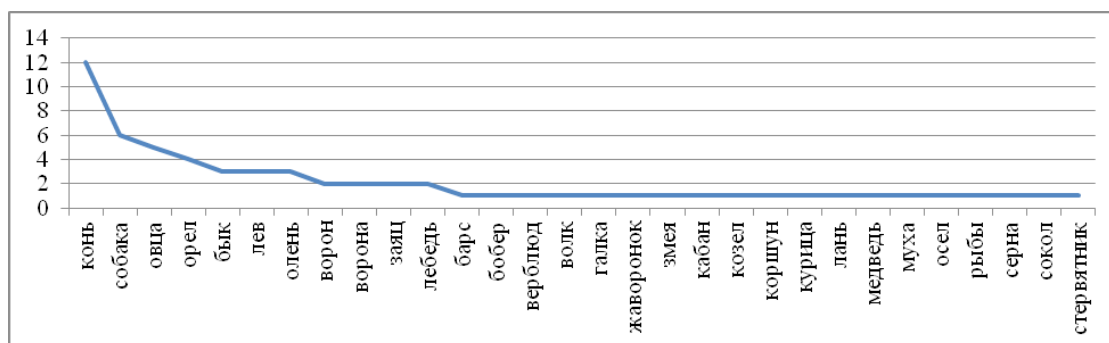

Рис. 1. Зооморфные образы, используемые в карачаево-балкарских историко-героических песнях XIII-XV вв.

чаево-балкарских историко-героических песнях, отражая различные аспекты походной жизни народа. Приведем лишь некоторые иллюстративные примеры:

- «Пусть наши кони в битве летают как соколы!» («Илячинча учсунла да сермешде атларыбыз!») [8, 32]. Здесь подчеркивается образная связь скакунов с воинской доблестью и способностью нести своего всадника через все трудности к победе, а сравнение коней с соколами лишь выражает стремление к достижению данной цели («Благопожелание перед походом» – «Жортууул алгышы»);

- «Наши сеновалы стали конюшнями» («Хастанларыбыз ат орунла болдула») [8, 112]. В данном отрывке находят отражение глубокие изменения в форме жизни и социального порядка общества, где первоначальное назначение построек («хранение сена») видоизменяется для размещения лошадей, используемых в военных целях («Черная буря» – «Къара боран»);

- «В Аталгы ржет конь без всадника» («Аталгыда атлысыз ат кишнейди») [8, 124]. Данный образ может символизировать потерю руководства и контроля, а также потерю героя, который был защитником народа («Аман-Жубу» – «Аман Жубу»);

- «Убежавший с ржанием гнедой

конь» («Кишнен къачхан тор атымы») [8, 138]. Конь, убегающий с ржанием, может отражать чувство свободы или освобождения от бремени битвы, подчеркивая контраст между хаосом сражения и мирной жизнью, к которой стремится герой («Аток» – «Атокъ»);

- «Пока вы живы, враг на (наших) коней не сядет!» («Сиз саулукъ-да душман атха миналмаз») [8, 144]. Данная фраза содержит в себе идею решимости и боевой дух народа. Враг не сможет подчинить себе или уничтожить культуру и бытийную традицию защитников, не сможет завладеть их ценностями и достижениями (конями), пока те способны оказывать сопротивление («Ватаги» – «Батагъала»);

- «Хромой хан» («акъсакъ хан»), «куцехвостый конь» («чубуркъуй-рукъ ат»). Синкретический образ хромаго хана и его коня используется для передачи идеи упадка и несостоятельности власти. Подковы раненого животного, оставшиеся под землей, и скрюченное тело хана символизируют конец его власти и моральное бессилие. В свою очередь образ сломанной ноги и куцего хвоста коня может отражать утрату мощи и величия хана, его поражение и униженный социальный статус («Песнь об Астанате» – «Астанатны жыры»²).

Собака. Данное животное тради-

ционно является неразлучным спутником человека и ассоциируется с «преданностью, защитой, бдительностью». Указанная линия, по сути, продолжается и в карачаево-балкарских героических песнях:

- собаки (овчарки) упоминаются в качестве пастухов овец в отсутствие чабанов («Два чабана» – «Эки кьойчу») [8, 46];

- недееспособность персонажа передается иносказательной фразой о том, что «ханские собаки даже не гавкнули» («Белый жеребенок» – «Акь тайчыкь») [8, 63];

- широта водного источника подтверждается тем, что из него «не напились бы и псы» («Княгиня Зурум» – «Зурум-бийче») [8, 77];

- псы могут упоминаться в контексте их лая, предвещающая надвигающуюся угрозу («Сражения с Аксак-Темиром» – «Акьсакь Темир бла сермешле») [8, 109];

- воины Аксак Тимура могут сравниваться с собаками, отличающимися «пастями в пядь» [8, 114], символизирующими жесткость битвы, в которой они участвуют («Кюй по Азнауру» – «Азнауурну кюйю»);

- собаки упоминаются в контексте запряженных животных (вместо быков) [8, 120], характеризующих дисгармонию в мире, нарушение привычного порядка вещей («Плач матери близнецов» – «Эгизле анасыны сарыны»).

Овцы. Образ овцы является инвариантным, где животному может приписываться как безобидность, пассивность, боязливость, жертвенность [10], так и глупость, и наличие стадного чувства [11]. Фраза «они перережут нас как овец» [8, 112], используемая в историко-героической песне «Черная буря» («Къара боран»), следует традиционной системе коннотаций, подчеркивая уязвимость и беспомощность ополченцев перед врагами, которым те не могут противостоять.

Отдельное место в карачаево-балкарской системе символов занимает «кулинарный», «гастрономический» образ овцы. В частности, в произведении «Аланская песнь» («Алан жыр») крупным планом показана традиция принесения в жертву на торжествах именно «черных овец» [8, 41]. В свою очередь в песне «Благопожелание перед походом» («Жортууул алгъыш») упоминается «баранья нога» [8, 31] в контексте приготовления к долгому пути, символизируя подготовку к трудностям.

В историко-героической песне «Княгиня Зурум» («Зурум-бийче») можно обнаружить достаточно нетрадиционные фрагменты с использованием образа овец. К ним можно отнести сравнение скал, бляющих как «овечье стадо» [8, 76], а также упоминание «овечьего помета» [8, 75]. Последняя фраза используется

для отрицательной гиперболизации полчищ врагов, объективизации их многочисленности в сравнении со зловонными горошинами «овечьего помета». Вне всякого сомнения, использование «помета» в компаративном дискурсе подчеркивает не только численность противников, но и отражает негативное отношение сказителя к ним.

Хищные птицы. Данные образы являются одними из наиболее почитаемых и распространенных персонажей фольклора многих народов мира как «могучих» и «сильных» птиц [12]. Используемый в песне «Певцы» («Жырчыла») образ «орлов, вьющих гнезда на скалах», [8, 67] символизирует величие и силу духа людей, живущих в высокогорных поселениях. Тем самым подчеркивается уникальность и особенность образа жизни горцев, связанных со специфическим ландшафтом и традициями и внутренне ориентированных на сохранение своей этнической идентичности в современном мире.

В песне «Благопожелание перед походом» («Жортуууул алгъыш») автор сравнивает коней с соколами [8, 32], что подчеркивает стремление к свободе, мощь и остроту зрения. Соколы в культуре часто символизируют высокие идеалы, стремление к цели и способность видеть дальше обыденного. Вместе с тем в произведении «Хан с перебитой левой

ногой» («Сол аягъы согъулма хан») хищные птицы нагружены негативной коннотацией. Отражающие страх и несчастье, они используются для создания атмосферы напряженности и передачи глубоких эмоций («орел с пастью как мешок», «стервятник с когтями как серпы», «не успокаивается черный коршун») [8, 126-127] и др.

Эпизод, связанный со стервятниками, выклеывающими глаза воинам в произведении «Ватаги» («Батагъала»), описывает сцену после смерти, где тела, оставленные на открытом воздухе, легко становятся добычей хищных птиц [8, 143]. Такая символика может отражать забвение и жестокость смерти, а также бесчеловечность ситуации, когда умершие не получают должного погребения. В контексте данного произведения приведенный фрагмент может также отражать трагические последствия насилия, где жертвы остаются беззащитными даже после смерти.

Другие птицы. Птицы часто ассоциируются с возможностью преодолевать препятствия и достигать целей, несмотря на все трудности. В частности, в произведении «Благопожелание перед походом» («Жортуууул алгъыш») фраза «И птица не пролетит мимо нас, если в нас будет смелость!» [8, 32] может символизировать свободу и высоту духа.

Особое место в исследуемых песнях занимает символика гнезда. Например, в произведении «Кюй жены по мужу, погибшему в битве» («*Къазауатда ёлген эрине къатыны этген кюй*»), данный элемент можно интерпретировать как знак уюта, социальной защиты и наличия семейного очага. Тогда как фраза «не спросил ты, кто теперь согреет ее гнездо» [8, 130] может обозначать утрату заступничества и безопасности, а также трагическое оставление семьи без должной мужской поддержки.

Судя по изученному материалу, целый ряд других «пернатых» также фигурирует в карачаево-балкарских зооморфно маркированных текстах с оригинальными метафорическими значениями.

Ворона. В произведении «Плач матери близнецов» («*Эгизле анасыны сарыны*») черный ворон символизирует плохое предзнаменование и трактуется как знак надвигающейся народной беды [8, 120]. Сходная онтологическая линия определяет содержание и таких песен, как «Хан с перебитой левой ногой» («*Сол аягъы согъулма хан*») [8, 126] и «Башня Чонг» («*Чонг-къала*») посредством атрибутивной формулы «вороний грай» [8, 117].

Галка. Фрагмент «Черные галочки крылья заслоняли свет» [8, 106] отражает мрачную атмосферу произведения и символизирует нарастаю-

щую тьму и ужас, подчеркивающие масштаб исторической трагедии и безнадежность ситуации («Предание об Аксак Темире» – «*Акъсакъ Темирни тауруху*»).

Жаворонок. Птица выступает как вестник, несущий людям информацию об угрожающей опасности. В частности, в произведении «Песнь об Астанате» («*Астанатны жыры*») жаворонок предупреждает народ о разгорающемся пожаре на крыше круглого Астаната. Пожар в данном контексте служит иносказательным обозначением назревающего военного конфликта³.

Курица. В произведении «Дюгербий» («*Дюгербий*») старшая дочь главного героя Асыл сравнивается с «белой курочкой» [8, 133], что подчеркивает как ее нежность, так и уязвимость перед внешними, агрессивными условиями как природной, так и социальной среды.

Лебедь. Образ данной птицы может отражать красоту, душевную чистоту, верность и самопожертвование [13]. Отметим еще несколько смысловых аспектов. В произведении «Аланский айтыш» («*Алан айтышы*») шея девушки сравнивается с «шеей белой лебеди» [8, 36]. В свою очередь, в песне «Княгиня Зурум» («*Зурум-бийче*») «знатные женщины, чтобы не попасть в руки врага, как лебеди, бросаются (вниз) со скал» [8, 76].

Сорока. Данный образ в нескольких фольклорных текстах фигурирует как своеобразная метрическая единица для измерения расстояния на равнине. Наиболее репрезентативно такая функция зарегистрирована нами в произведении «Княгиня Зурум» («Зурум-бийче»), где посредством орнитогенного образа определяется ширина степи, «через которую не пролететь сорокам» [8, 77].

Бык / теленок. Представленное животное в силу своей природной мощи и неприхотливости носит положительный анималистический оттенок [14]. В карачаево-балкарских историко-героических песнях данный образ используется в двух аспектах:

– в произведении «Аток» («Атокъ») трехгодовалый бык упоминается как жертва, которую следует принести в случае победы главного героя [8, 138]. Такое действие может быть представлено как акт благодарности или инструмент защиты от негативных сил, символизируя глубокую связь между человеком, его верой и обществом.

– близнецов» («Эгизле анасыны сарыны»), подчеркивая социальную аномалию и нарушение естественного порядка, сказитель в качестве тягловой силы вместо быков упоминает собак [8, 120]. Другими словами, указанный зооморфный перевертыш отражает искаженный мир

с деконструкцией привычного хода вещей.

Лев. Данному животному приписываются различные характеристики, начиная от силы, храбрости и мудрости и заканчивая жестокостью и свирепостью [15]. В произведении «Дюгербий» («Дюгербий») лев упоминается в контексте описания действий главного героя Дюгербия, который «разит (врагов), как лев» [8, 135], делая его фигуру еще более вдохновляющей. Схожий мотив используется и для характеристики мощи и отваги Астемира в бою в произведении «Бедный Астемир» («Жарлы Астемир») – «нападая на врагов, ты разил их, как лев» [8, 118].

Олень. Данный представитель животного мира является насыщенным мифической символикой, где особое место занимает образ оленихи-прародительницы [16]. Указанную линию можно найти в песне «Княгиня Зурум» («Зурум-бийче»), в которой упоминается «*умывание глаз ребенка молоком оленухи*» [8, 73]. Это действие символизирует желание предоставить защиту ребенку и благословение на будущее, подчеркивая связь человека с природой и традиционными верованиями.

Сюда же можно отнести сравнение красоты дочерей главного героя Дюгербия в произведении «Дюгербий» («Дюгербий») с «сернами и ланями Лыгыта» [8, 134]. В свою

очередь, в песне «Кюй по Азнауру» («Азнауурну кюйю») «олени Загзана» [8, 114] символизируют жертв, погибших в неравной битве, а также благородство и красоту природы, которая страдает от человеческих злодеяний. В финале песни, обращаясь к Азнауру, сказитель говорит: «Пусть оплачут тебя девушки аланских селений!» [8, 114].

Другие зооморфные образы, используемые в карачаево-балкарских историко-героических песнях

Муха. В литературе отмечается, что ономазиологический портрет мухи составляют её объективно-качественные признаки, в частности, маленький размер, множественность функционирования (ущербность), а также характеристика времени функционирования реальности (надоедливость) [17]. В историко-героической песне «Два чабана» («Эки кьойчу») данный образ используется в контексте остроты зрения главных героев – «Глаза их замечали глаз мухи на расстоянии слышимости крика» [8, 49].

Верблюд. Образ животного воплощает в себя множество выдающихся качеств, к которым, в частности, можно отнести силу, свирепость и плодовитость [18]. В историко-героической песне «Белый жеребенок» («Акь тайчыкь») данное животное символизирует выносливость, учи-

тывая упоминание о том, что девушка уехала на верблюде в Крым [8, 64]. Таким образом, в данном контексте верблюд как средство передвижения подчеркивает удаленность места, которого трудно достичь, указывая на необратимые изменения в жизни персонажа.

Кабан. Образ кабана представляет один из распространенных культурных символов в Евразии, который окружен различными ассоциациями и смыслами. Во многом это обусловлено биологическими особенностями и практической ценностью животного, в том числе как источника мясных ресурсов [19].

В песне «Княгиня Зурум» («Зурум-бийче») упоминается, что «в шести котлах (мясо) шести кабанов помешивалось» [8, 73]. Данное выражение может быть использовано в переносном смысле и символизировать изобилие и достаток, поскольку мясо кабанов в большом количестве может указывать на обширность приготовления пищи или пиршества. В контексте данного произведения это может также подчеркивать мощь и богатство персонажа по имени Ёрюзбек, который способен одновременно готовить мясо шести кабанов, что требует значительных ресурсов и усилий.

Рыба. Данный образ в художественной культуре во многом полисемантичен. Рыбам присущи как

явно отрицательные признаки (порочность, бесчувственность, невыразительность), так и положительные качества, включая способность хранить секреты, трудолюбие и умеренность [20]. В песне «Княгиня Зурум» («Зурум-бийче») упоминается образ сазанов, которые «сварившись, всплывают из-под воды» [8, 76]. Данная фраза служит для создания атмосферы крайне разрушительных событий и символизирует экстремальные условия, при которых даже вода становится настолько горячей, что рыбы всплывают на поверхность мертвыми. Такой мотив подчеркивает степень разрушения и страданий, вызванных конфликтом, описываемым в произведении.

Змея. Образ змеи является многоплановым. Пресмыкающееся может представлять собой как фаллический мужской символ, так и символ хитрости женщины. Змея также означает смерть, поскольку является существом убивающим, но при этом она периодически меняет кожу и воспринимается как символ жизни и воскресения [21].

В историко-героической песне «Княгиня Зурум» («Зурум бийче») используется образ белой стрелы как «белой змеи» [8, 74], которая бы поразила врага прямо в глаз. Данное упоминание может символизировать точность, смертоносность и даже магическую силу стрелы. Как

уже было отмечено выше, змея часто ассоциируется с хитростью и способностью наносить неожиданные удары, что делает ее подходящим знаком для описания смертоносного оружия в битве.

Осел. В мировой художественной культуре образ осла является неоднозначным, амбивалентным. Авторы фольклорных и литературных текстов отмечают как положительные качества данных животных (непритязательность, простоту, трудолюбие), так и отрицательные (глупость, трусость, упрямство) [22]. Осел упоминается в историко-героической песне «Княгиня Зурум» («Зурум-бийче») в контексте угрозы, которую высказывает хан тысячника: «А коль не так, охолощу тебя, как осла» [8, 74].

В данном случае, осел может символизировать унижение или наказание, так как кастрация животного является актом, который лишает его естественных функций и может быть использовано в качестве метафоры для утраты силы, мужества или статуса человеком. Это выражение подчеркивает серьезность угрозы и последствия, которые последуют в случае неудачи или непослушания.

Зайца часто выставляют трусливым и незащищенным существом перед хищниками, что вынуждает его быть постоянно в движении [23]. Данный образ в различных формах

используется и в анализируемых карачаево-балкарских песнях. В частности, в «Предании об Аксак Темире» («*Акъсакъ Темирни тауруху*») утверждается, что герой произведения был настолько стремителен, что мог угнаться за зайцем, «пока не достигал и не ловил его» [8, 96]. В свою очередь, песня «Ватаги» («*Батагъ-ала*») содержит в себе фразу, что «в своих горах и заяц – это лев» [8, 144], что символизирует силу и отвагу зайца в критических обстоятельствах.

Бобр. Художественное раскрытие образа пушного зверя слабо представлено в научной литературе. Отмечается, что бобр в народных представлениях наделен преимущественно эротической и брачной символикой, где животное часто выступает в паре с соответствующими женскими образами (куница или выдра) [24].

Одним из составных элементов образа бобра в песнях является его ценный мех (например, ловля бобра невесте на шубу). В историко-героической песне «Песнь об Астанате» («*Астанатны жыры*») используется и «бобровая шапка», которую надевает на себя хан, чтобы усмирить горцев⁴. Этот образ символизирует богатство и статус правителя, но в контексте произведения также указывает на высокомерие хана и ничем не подкрепленные амбиции.

Волк. Несмотря на то, что в пред-

ставленных произведениях волк не фигурирует напрямую в качестве животного образа, в тексте песни «Плач матери близнецов» («*Эгиз-ле анасыны сарыны*») упоминается «волчье сражение» [8, 122]. Фразеологизм используется для описания ситуации насилия и жестокости, ассоциируясь с хищническим поведением волка как одного из ключевых образов в литературе [25].

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать два ключевых вывода.

Современные методики частотного анализа представляют собой эффективный инструмент исследования карачаево-балкарских историко-героических песен XIII–XV вв. Основным преимуществом такого подхода является значительная экономия трудовых ресурсов научного исследователя.

Согласно второму выводу, основное место в карачаево-балкарских историко-героических песнях XIII–XV вв. занимают те зооморфные образы, которые определяют ключевую специфику бытия двух высокогорных народов Северного Кавказа, а именно карачаевцев и балкарцев (лошади, собаки, овцы и другие животные).

Полученные результаты могут быть использованы в образователь-

ной сфере при обучении школьников и студентов карачаево-балкарскому языку, а также стать отправной точкой для проведения и развития подобных исследований в разрезе других языков, в том числе тех, которые входят в индоевропейскую и тюркскую языковые группы.

Примечания:

1. Электронная версия книги «Аланский историко-героический эпос» представлена по следующей ссылке: URL: <http://www.elbrusoid.org/upload/iblock/19f/19f29fa861f9ef178e15eb5c33cdba2a.docx>. Автором обнаружено, что она содержит в себе историко-героическую песню «Песнь об Астанате», не нашедшую отражения в физической копии книги. Таким образом, при анализе зооморфных образов, содержащихся в произведении «Песнь об Астанате», автор будет ссылаться на электронную версию книги.

2. URL: <http://www.elbrusoid.org/upload/iblock/19f/19f29fa861f9ef178e15eb5c33cdba2a.docx> С. 105.

3. URL: <http://www.elbrusoid.org/upload/iblock/19f/19f29fa861f9ef178e15eb5c33cdba2a.docx>, стр. 105.

4. URL: <http://www.elbrusoid.org/upload/iblock/19f/19f29fa861f9ef178e15eb5c33cdba2a.docx>, стр. 105.

1. *Замалетдинов Р.Р., Замалетдинова Г.Ф.* О роли пословиц в исследовании национально-культурных особенностей языкового сознания // Филология и культура. 2010. Вып. 20. № 4. С. 73–78.

2. *Храмова М.Н.* Специфика образных представлений о животном мире // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2014. № 1 (18). С. 12-17.

3. *Гелястанова Т.С.* Репрезентация животных в карачаево-балкарских паремиях // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 299–301.

4. *Улаков М.З., Абайханова А.А.* Типы фразеологизмов, связанных с зоонимией (на материале карачаево-балкарского языка) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. Вып. 51. № 1. С. 167–173.

5. *Гергокова Л.С.* Тематическое многообразие пословиц и поговорок в карачаево-балкарских народных сказках о животных // Вестник Кабар-

дино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2020. Вып. 47. № 4–1. С. 123–128.

6. *Эркенова Ф.П.* ФЕ с компонентами-зоонимами, относящимися к классу птиц, в карачаево-балкарском и русском языках // Клычевские чтения — 2020: научно-практическая конференция с международным участием. Карачаевск, 19–20 ноября 2020 г.: Сб. трудов / Отв. ред. С.У. Пазов. Карачаевск: Изд-во Карачаево-Черкесского гос. ун-та им. У.Д. Алиева, 2020. С. 33–43.

7. *Берберов Б.А.* Определение зооморфных образов в карачаево-балкарских пословицах и поговорках с использованием элементов частотного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15. № 2. С. 288–306.

8. Аланский историко-героический эпос. В трех томах. На карачаево-балкарском и русском языках // Составление, предисловие и комментарии М.Ч. Джуртубаева. Нальчик: Тетраграф, 2015. Т. I. 656 с.

9. *Бекмурзаева Ф.Ш.* Мифосимволическая составляющая анималистического концепта лошадь/конь в русской языковой картине мира // СибСкрипт. 2020. Т. 22. № 1 (81). С. 216–225.

10. *Кондратьева О.Н.* Зооморфные образы как источник осмысления концепта «душа» (диахронический аспект) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2011. № 2. С. 186–191.

11. *Илинь Ж.* Фразеологизмы с названиями животных овца/баран в русском языке (по материалам лексикографических источников) // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 88–90.

12. *Бурнаков В.А.* К вопросу о культуре орла у хакасов // Народы и религии Евразии. 2010. № 4. С. 153–164.

13. *Лиши М.* Символический образ лебедя в русской лингвокультуре // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 7 (160). С. 113–117.

14. *Лызлов А.И.* Концепт «бык» в паремиях английского и русского языка (в отражении литературы) // Преподаватель XXI век. 2018. № 4–2. С. 364–376.

15. *Перевалова С.Г.* Образ льва в мировом искусстве и в баснях Лафонтена // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2015. № 2 (16). С. 82–92.

16. *Дарчиева М.В.* Образ оленя (саг, хъуаз/гъæуанз) в осетинской Нартиаде // Известия СОИГСИ. 2020. Вып. 38 (77). С. 139–153.

17. Сазина Д.А. Ономаσιологический портрет мухи // Проблемы филологии глазами молодых исследователей. 2018. С. 113-119.
18. Гюль Т.И. Образ верблюда в доисламском искусстве Средней Азии: культово-религиозный аспект // Народы и религии Евразии. 2020. № 1 (22). С. 117-129.
19. Бадмаев А.А. Дикая свинья в традиционном мировоззрении и обрядности бурят // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2022. Т. 21. № 5. С. 145-156.
20. Лызлов А.И. Об образе «Рыба» в русских, английских и немецких паремиях // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 77. С. 117-120.
21. Галай К.Н. Зооморфный образ женщины-змеи в европейской литературе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2015. № 4. С. 112-118.
22. Перкас Л.С. Образ осла в мировой художественной литературе // Вестник Хакасского государственного университета им. НФ Катанова. 2017. № 21. С. 95-99.
23. Гарус Е.С. Образ зайца в славянском фольклоре // Наука, образование, инновации: актуальные вопросы и современные аспекты. 2020. С. 121-123.
24. Чэнь Ц. Лексема бобр и его производные в микропонимии Воронежской области // Воронежское лингвокраеведение. 2020. С. 197-200.
25. Хазанкович Ю.Г. Образ «волка» в фольклоре и литературе: к проблеме архетипа // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2009. № 2. С. 186-188.

Berberov, Burkhan A. – Institute for Humanities of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS (Nalchik, Russia); burhan_berberov@mail.ru

THE SYSTEM OF KARACHAY-BALKAR ZOOMORPHIC IMAGES (ON THE BASIS OF HISTORICAL-HEROIC SONGS OF THE 13TH-15TH CENTURIES).

Keywords: zoomorphic image, Karachay-Balkar folklore, historical-heroic song, frequency analysis, Karachay-Balkar language.

The article is dedicated to identifying zoomorphic images in Karachay-Balkar historical-heroic songs of the 13th-15th centuries using elements of frequency analysis based on the Python programming language. Through the analysis conducted, it was established that the Karachay-Balkar historical-heroic songs of the 13th-15th centuries reflect the images of thirty animals. The most popular among them are the images of the

horse, dog, and sheep, i.e., images of those animals that play a crucial role in the daily life of the Karachays and Balkars. To form a coherent picture of the world, the article further reveals the images of individual animals, including through comparative analysis aimed at uncovering the discovered images in other cultures. Special attention by the author is given to those zoomorphic images that are uniquely reflected in the Karachay-Balkar historical-heroic songs of the 13th–15th centuries (for example, flies, camels, beavers), emphasizing their unique significance in the cultural context of the Karachay-Balkar people. The results of the analysis allow concluding that the zoomorphic images used in the Karachay-Balkar historical-heroic songs are largely universal and find partial reflection in other cultures as well. The conducted research contributes to a better understanding of the cultural heritage of the Karachays and Balkars. Its results, in particular, can be used in the educational sphere when teaching schoolchildren and students the Karachay-Balkar language, and serve as a starting point for conducting and developing similar research in the context of other languages, including those belonging to the Indo-European and Turkic language groups.

For citation: Berberov, B.A. The system of karachay-balkar zoomorphic images (based on historical-heroic songs of the 13th–15th centuries) // *Izvestiya SOIGSI*. 2024. Iss. 52 (91). Pp. 151–168. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.91.52.007

References

1. Zamaletdinov, R.R., Zamaletdinova, G.F. *O roli poslovic v issledovanii nacional'no kul'turnyh osobennostej jazykovogo soznaniya* [On the role of proverbs in the study of national cultural characteristics of linguistic consciousness]. *Filologija i kul'tura* [Philology and Culture]. 2010, vol. 20 (4), pp. 73–78.
2. Hramova, M. N. *Specifika obraznyh predstavlenij o zhivotnom mire* [The specificity of figurative representations of the animal world]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture]. 2014, no. 1 (18), pp. 12–17.
3. Geljastanova, T.S. *Reprezentacija zhivotnyh v karachaevo-balkarskih paremi-jah* [Representation of animals in Karachay-Balkar parodies]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics]. 2010, no. 12, pp. 299–301.
4. Ulakov, M. Z., Abajhanova A.A. *Tipy frazeologizmov, svjazannyh s zoonimiej (na materiale karachaevo-balkarskogo jazyka)* [Types of phraseological units associated with zoonymy (based on the Karachay-Balkar language)]. *Izvestija Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2013, iss. 51, no. 1, pp. 167–173.
5. Gergokova, L.S. *Tematicheskoe mnogoobrazie poslovic i pogovorok v kara-*

chaevo-balkarskih narodnyh skazkah o zivotnyh [Thematic diversity of proverbs and sayings in Karachay-Balkarian folk tales about animals]. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij* [Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research]. 2020. Issue. 47. No. 4–1. pp. 123–128.

6. Erkenova, F.P. *Phraseological units with components-zoonyms belonging to the class of birds in the Karachay-Balkar and Russian languages. Klychevskie chteniia — 2020: international scientific and practical conference. Karachayevsk: November 19–20, 2020: Proceedings. Ed. by S.U. Pazov. Karachayevsk, Izd-vo Karach.-Cherkes. gos. un-ta, 2020, pp. 33–43.*

7. Berberov, B.A. *Opredelenie zoomorfnyh obrazov v karachaevo-balkarskih poslovicah i pogovorkah s ispol'zovaniem jelementov chastotnogo analiza* [Determination of zoomorphic images in Karachay-Balkar proverbs and sayings using elements of frequency analysis]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika* [Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African studies]. 2023. vol. 15. No. 2. pp. 288–306.

8. Dzhurtubayev, M. Ch. (comp.). *Alanskii istoriko-geroicheskii epos* [The Alan historical and heroic epic: in 2 vols]. Nalchik, Tetragraf Publ., 2015, vol. 1. 656 p. (In Karachay-Balkar and Russian).

9. Bekmurzaeva, F.Sh. *Mifosimvolicheskaja sostavljajushhaja animalisticheskogo koncepta lohad'/kon' v russkoj jazykovoju kartine mira* [The mythosymbolic component of the animalistic concept of horse/ horse in the Russian linguistic picture of the world]. *SibSkript* [SibScript]. 2020, vol. 22, no. 1 (81), pp. 216–225.

10. Kondratieva, O. N. *Zoomorfnye obrazy kak istochnik osmyslenija koncepta «dusha» (diahronicheskij aspekt)* [Zoomorphic images as a source of understanding the concept “soul” (diachronic aspect)]. *Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. VP Astaf'eva* [Bulletin of V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University]. 2011, no. 2, pp. 186–191.

11. Ilin, Zh. *Frazeologizmy s nazvanijami zivotnyh ovca/baran v russkom jazyke (po materialam leksikograficheskikh istochnikov)* [Phraseologisms with the names of animals sheep/ram in the Russian language (based on lexicographic sources)]. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal]. 2017, vol. 4 (21), pp. 88–90.

12. Burnakov, V.A. *K voprosu o kul'te orla u hakasov* [On the issue of the cult of the eagle among the Khakass]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. 2010, no. 4, pp. 153–164.

13. Lishi, M. *Simvolicheskiy obraz lebedja v russkoj lingvokul'ture* [The symbolic image of a swan in Russian linguoculture]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of Volgograd State Pedagogical University]. 2021, vol. 7 (160), pp. 113-117.

14. Lyzlov, A.I. *Koncept "byk" v paremijah anglijskogo i russkogo jazyka (v otrazhenii literatury)* [The concept of "bull" in the parodies of the English and Russian languages (in the reflection of literature)]. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the XXI century]. 2018, vol. 4(2), pp. 364-376.

15. Perevalova, S.G. *Obraz l'va v mirovom iskusstve i v basnjah Lafontena* [The image of the lion in world art and in the fables of La Fontaine]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki* [Topical issues of modern philology and journalism]. 2015, vol. 2 (16), pp. 82-92.

16. Darchieva, M.V. *Obraz olenja (sag, huaz/gæuanz) v osetinskoj nartiade* [The image of a deer (sag, huaz/guanz) in the Ossetian nartiad]. *Izvestija SOIGSI* [SOIGSI news]. 2020, vol. 38(77), pp. 139-153.

17. Sazina, D. A. *Onomasiologičeskij portret muhi* [Onomasiological portrait of a fly]. *Problemy filologii glazami molodyh issledovatelej* [Problems of philology through the eyes of young researchers]. 2018, pp. 113-119.

18. Gjul, T.I. *Obraz verbljuda v doislamskom iskusstve Srednej Azii: kul'to-vo-religioznyj aspekt* [The image of the camel in the Islamic art of Central Asia: a cult-religious aspect]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. 2020. vol. 1(22). pp. 117-129.

19. Badmaev, A.A. *Dikaja svin'ja v tradicionnom mirovozzrenii i obrjadnosti burjat* [The wild pig in the traditional worldview and rituals of the Buryats]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Filologija*. [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History. Philology]. 2022, vol. 21(5). pp. 145-156.

20. Lyzlov, A.I. *Ob obraze «Ryba» v russkih, anglijskih i nemeckih paremijah* [About the image of "Fish" in Russian, English and German parodies]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Jaroslava Mudrogo*. [Bulletin of the Novgorod State University named after Yaroslav the Wise]. 2014, vol. 7, pp. 117-120.

21. Galaj, K.N. *Zoomorfnyj obraz zhenshhiny-zmei v evropejskoj literature* [Zoomorphic image of a snake woman in European literature]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Literaturovedenie, zhurnalistika*. [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary studies, journalism]. 2015, vol. 4, pp. 112-118.

22. Perkas, L.S. *Obraz osla v mirovoj hudozhestvennoj literature* [The image of a donkey in world fiction]. *Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. NF Katanova* [Bulletin of the Khakass State University named after N.F. Katanov]. 2017. vol. 21. pp. 95-99.

23. Garus, E.S. *Obraz zajca v slavjanskom fol'klore* [The image of a hare in Slavic folklore]. *Nauka, obrazovanie, innovacii: aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty* [Science, education, innovations: current issues and modern aspects]. 2020, pp. 121-123.

24. Chjen, C. *Leksema bobr i ego proizvodnye v mikrotoponimii Voronezhskoj oblasti* [The beaver lexeme and its derivatives in the microtoponymy of the Voronezh Region]. *Voronezhskoe lingvokraevedenie* [Voronezh Linguistic and Regional Studies]. 2020. pp. 197-200.

25. Hazankovich, Y.G. *Obraz «volka» v fol'klore i literature: k probleme arhetipa* [The image of the “wolf” in folklore and literature: on the problem of the archetype]. *Izvestija Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics]. 2009, iss. 2, pp. 186-188.